

© 1997 г. Н.И. ТОЛСТОЙ

SLAVIA ORTHODOXA И SLAVIA LATINA – ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

(опыт предварительной оценки)*

Более ста лет тому назад, в 1892 году, в Варшаве вышла двухтомная книга известного в свое время русского филолога Антона Семеновича Будиловича "Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы" [Будилович 1892]¹. Автор книги избрал для своих наблюдений, помимо церковнославянского и двух классических европейских языков – греческого и латинского, пять современных ему западноевропейских языков и четыре славянских. По его определению, "самое главное преимущество языка церковнославянского заключается в возможности его культурной роли в истории славянства, которую можно сравнить с ролью не готского языка в судьбах германизма, а скорее – средневековой латыни в жизни романских народов и языков" [Будилович 1892, II: 27].

Главное преимущество труда самого А.С. Будиловича – не в изложении и трактовке фактов, число которых за прошедший вековой период возросло очень значительно, а в попытке дать сравнительный и в известной мере типологический анализ двенадцати литературных языков Европы, ставя в центр исследования "общеславянский" (церковнославянский) язык и рассматривая при этом судьбу четырех крупных славянских языков. И хотя, как судили многие лингвисты, опыт А.С. Будиловича во многом не удался, вероятно, в основном из-за неразработанности в конце прошлого века принципов и методов изучения литературных языков, монография об "общеславянском" языке оставалась долго единственным в своем роде опытом сравни-

* Доклад, прочитанный на славистической конференции в сентябре 1993 г. в Кастель Ивано (Италия). Материалы конференции опубликованы в *Ricerche slavistiche*. V. XLII. 1995 [Roma].

¹ А.С. Будилович в книге "Общеславянский язык" ставил своей задачей "опознать законы образования общих языков и проверить их на данных славянского прошлого". С этой целью он рассматривал в I-м томе "условия образования более известных и важных языков древней и новой Европы, а именно: греческого, латинского, итальянского, испанского, французского, английского и немецкого" [Будилович 1892, I: VI–VII]. Для славянского мира были избраны во втором томе языки церковнославянский, сербский, чешский, польский и русский. Все эти языки А.С. Будилович называет "общими" языками и вводит при этом понятие "частного" языка, наряду с понятием диалекта. Термины "общий" и "частный", судя по контекстам, относятся у А.С. Будиловича к литературным языкам. При этом делается попытка определить отношение "общего" языка "к местным говорам и частным языкам, условия борьбы между ними, значение в этой борьбе естественных и нравственных сил" [там же: VII]. Во втором томе А.С. Будилович главное внимание сосредоточивает "на международном значении церковнославянского языка в древнее время, сербохорватского и чешского в 15–16 вв., польского в 16–17 вв., а русского в 18–19 вв." [Будилович 1892, II: VII]. К сожалению, однако, идея создания или принятия одного литературного языка, который был бы в ближайшем будущем, т.е. в XX веке в употреблении у всех славян, наряду с другими "общими" и "частными" литературными языками, идея, волновавшая в прошлом еще хорвата Крижанича, а позже – чеха Юнгмана и многих других славистов и славянофилов, отвлекла А.С. Будиловича от первоначально поставленной задачи компаративного анализа славянских литературных языков, и в конечном результате такого исследования читатель не получил.

тельного рассмотрения группы славянских литературных языков на европейском фоне. В середине и в конце XX в. славистика обогатилась рядом фундаментальных описаний истории отдельных славянских литературных языков, однако компаративные исследования материала в общем ограничились созданием трех примечательных коллективных разысканий – итальянского сборника начала 70-х гг. [Studi... 1972], двух русских книг конца 70-х гг. [Нац. возрождение... 1978; История слав. лит. яз.... 1979] и американского двухтомника начала 80-х гг. [Aspects... 1984] и целым рядом ярких и принципиальных статей, чаще всего носивших скорее характер постановки вопроса, чем его решения и разрешения. Имеются в виду известные труды Н.С. Трубецкого, В.В. Виноградова, Д. Брозовича, Б. Гавранка, А. Едлички и других ученых. Особую и значительную роль в славянской литературно-языковой компаративистике сыграли ранние и новейшие исследования Р. Пиккио, анализировавшего развитие литературных языков в свете исторической эволюции и противопоставления двух славянских культурных миров – *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*. Как и А.С. Будилович, Р. Пиккио в своих трудах ставит в центр внимания "общий" литературный язык древнего славянства – церковнославянский [Picchio 1991; Пикио 1993]. Именно к нему и следует обратиться в первую очередь.

Феномен церковнославянского, или древнеславянского, литературного языка заключается в том, что он с самого начала замышлялся и создавался как язык сакральный, богослужебный, обращенный к Богу, во-первых, и как язык общеславянский, предназначенный для всех славян, во-вторых. Главенствующая сакральная функция делала церковнославянский (старославянский) язык схожим с латинским и греческим языком византийского образца, а также с готским языком. Однако функциональное сходство с латинским и греческим сочеталось с существенным историческим различием: оба упомянутых сакральных языка уже имели и христианскую традицию, и свою длительную многовековую историю в виде культурных языков античного периода. Церковнославянский язык, так же как и готский, ни той, ни другой традиции не имел, и потому, возникая, во многом, особенно в синтаксисе и лексике, он опирался на греческую традицию, греческий образец. К этому образцу в античные времена прибегали и ранние латинские авторы, о нем вспомнили и в эпоху Ренессанса, хотя в этих случаях дело касалось другого – античного греческого языка.

В эпоху создания старославянского языка, в пору моравской кирилло-мефодиевской миссии, в Европе, в романо-германском этническом и культурном мире господствовала латынь, а в византийских пределах – греческий, хотя византийская имперская традиция допускала богослужение и книжность и на других языках. Именно в условиях византийской толерантности возник стараниями и подвигом равноапостольных солунских братьев старославянский язык, подобно тому как пятью веками раньше в близких условиях был создан готский книжный язык и известный перевод Священного Писания для готов. Однако функционирование готского сакрального языка, хотя и длилось несколько веков, охватывало лишь одну из южных ветвей германского племени и было к тому же связано с арианством – относительно локальным и со временем затухшим отклонением ("ересью") от ортодоксального христианства, усугублявшим замкнутость готского языка.

Кирилл и Мефодий ставили задачу создания и распространения сакрально-книжного языка для всего славянства, которое в их времена еще не было целиком христианским. Решению этой задачи способствовало не только состояние славянского языкового континуума в IX веке, еще не разорванного территориально приходом венгров и хорошо сохранявшего черты праславянского языкового единства, но и этническое (национальное) самосознание славян, о котором мы можем судить, правда, по более поздним, но достаточно достоверным свидетельствам [Толстой 1993]. Они убеждают нас, что осознание славянского единства в ту эпоху было весьма четко выражено и однозначно, особенно в ситуации противопоставления "свой–чужой". Девятый век можно считать веком стабилизации славянского этноса на весьма обширном пространстве центральной, юго-восточной и восточной Европы, после

великой миграции славян в VI в., после освоения новых земель и тесных, уже довольно длительных контактов с новыми европейскими соседями. Не случайно стремление славян "причѣстисѧ велицѣхъ ѧзыцѣхъ" ('быть причастными к великим народам'), спровоцированное византийской кирилло-мефодиевской миссией, обрело силу и реальное воплощение параллельно или вслед за возникновением первых славянских государств – великоморавского, сербского, хорватского, польского, русского (болгарское возникло намного раньше и притом на тюркской племенной основе). Все это определило судьбу древнеславянского книжного языка совершенно иным образом, чем судьбу готского книжного языка, известного по библейским переводам епископа Ульфилы, дошедшим до нас в рукописях V–VI веков. Уместно еще раз подчеркнуть, что язык кирилло-мефодиевских переводов создавался как сакральный, богослужебный и в то же время общеславянский. Создавался третий культурный макроареал в Европе, долженствовавший соседствовать с романо-германским ареалом, где господствовала латынь, и греко-византийским, также далеко не моноэтническим ареалом, где абсолютно преобладал греческий язык².

Поставленная задача, как часто бывает в истории, не была разрешена в полной мере. В то время как кирилло-мефодиевская традиция принималась западными и южными славянами (распространение старославянского письма и богослужения в Великой Моравии, вероятно, на юге Польши, в Чехии, Паннонии, у альпийских славян – предков словенцев, в Далмации, в болгарских, македонских и сербских пределах), восточные славяне еще не знали "свѣта разумѣнія книжнаго" на родном славянском языке. Когда же этот свет пришел на Русь, к восточным славянам, ученики Кирилла и Мефодия были уже изгнаны или заменены иноязычными проповедниками и пастырями в мире западнославянском и западной части южнославянского ареала. Исключение составляли стойкие "глаголяши" в Далмации, пользовавшиеся древним глаголическим письмом и церковнославянским языком до XX века, т.е. почти до наших дней.

С угасания моравского книжного центра, с изгнания из Моравии и Паннонии учеников Кирилла и Мефодия, а затем с разделения церквей в 1054 г. берет свое начало появление двух автономных культурных ареалов славянского этнического массива, двух территориально и культурно очерченных миров – восточного, *Pax Slavia Orthodoxa*, и западного, *Pax Slavia Latina*. На эти культурные миры некоторые исследователи смотрели как на противостоящие и даже антагонистические, что в принципе неверно. Во все времена существовало взаимодействие, взаимопроникновение этих миров, и примеров такого соотношения немало. Это и возрождение славянской литургии в пражском Эмаусском монастыре в 1344 г. при Карле IV, и участие глаголяшей в переводах "Геннадиевской библии" в Новгороде в XV в., и деятельность Франциска Скорины в Праге в 1517–1519 гг., и пребывание Юрия Крижанича в России в 1659–1676 гг., и многие другие факты³.

Сама длительная консервация глаголической традиции, сама глаголяшская книжная культура и славянская литургия – удивительный пример сохранения кирилло-мефодиевского наследия и языка в славянском католическом ареале. Глаголяши как бы принадлежали одновременно и к миру *Slavia Latina*, и к миру *Slavia Orthodoxa*, и тем самым осуществляли живую связь между этими мирами. Естественно, что речь идет о культурной, а не конфессиональной, церковной принадлежности [Hercigonja 1983].

² Возникновение славянского культурного и религиозного мира происходило в условиях притяжения и притязаний двух европейских духовных центров – Константинопольской патриархии и Зальцбургского архиепископа, позже Римского папского престола. Из обильной новейшей литературы, посвященной началу славянской письменности и духовной культуры, отметим лишь два издания, вышедших в славянской католической среде, в Люблине в Католическом университете и в Любляне на Богословском факультете Люблянского университета [Cyryl i Metody... 1991; Bogoslovni vestnik 1985].

³ Изложенные факты хорошо известны и подтверждены богатой литературой, среди которой хотелось бы выделить исследование Р. Якобсона "Основа сравнительного славянского литературоведения" в книге [Якобсон 1987] или [Jakobson 1985].

В мире *Slavia Latina* прекратилась в общем недолговечная для него кирилло-мефодиевская традиция, и в качестве сакрального языка, а также языка науки и литературы, вновь оказалась или осталась средневековая латынь. Литературные языки – польский, чешский, локальные неглаголические микроязыки в хорватских пределах не были сакральными, что позволяло им не стремиться к строгому единству формы, не иметь единой, объединяющей нормы. Эти языки не вырастали из одного общеславянского (старославянского, церковнославянского) корня, они были отдельными ростками, языками, возникавшими сами по себе на местной почве. С угасанием кирилло-мефодиевской традиции на западе угас и словенский книжный язык, едва нарождавшийся, как можно судить по Брижиньским (Фрейзингенским) отрывкам. Не было книжного языка и у лужицких сербов и полабян⁴.

Такая ситуация не означала, что славяне мира *Slavia Latina* не пользовались благами религиозной, культурной и литературной жизни, не участвовали в ее развитии – они были причастны единой западноевропейской средневековой культуре, пользующейся латинским языком и опирающейся на связанную с ним традицию. И только Реформация с ее обращением к народному языку и "народной" вере решительно изменила ситуацию, только пример Лютера побудил словенцев, сербов-лужичан и отчасти хорватов заняться созданием своих литературных языков на народной основе, своих литератур. Эти языки уже не были сакральными в полном смысле этого слова, они не были языками богослужения, ибо сама Реформация, и особенно некоторые ее ответвления, заменяли богослужение в строгом смысле этого слова проповедью и чтением молитв.

Совсем другая картина и ситуация наблюдается в мире *Slavia Orthodoxa*. Там в те же времена прежде всего сохранялся культ славянского сакрального языка, единого языка всех православных славян, валахов и молдаван, там наблюдался путь его непрерывного, постепенного и замедленного развития, периодически сопровождаемого консервативными реформами, имеющими своей задачей строгое соблюдение или восстановление принципа "святой старины". Эти консервативные реформы мы называем деятельностью разных школ, "влиянием" или "книжной справой": тырновская школа патриарха Евтимия в XIV в., ресавская школа (XV в.), видным представителем которой был Константин Философ (Костенечский), первое и второе южнославянское влияние на Руси (XI и XIV вв.), книжная справа на Руси XVII в. и др.

В мире *Slavia Orthodoxa* национальные литературные языки (точнее, языки преднациональные или донациональные) не возникали порознь, как бы сами по себе, опираясь на ту или иную диалектную базу или койне, как это происходило с языками мира *Slavia Latina*, а отпочковывались от единого церковнославянского языка сначала в виде его вариантов (изводов или редакций), а затем в виде самостоятельных языков, не теряющих связи с церковнославянской традицией и друг с другом. В разных церковнославянских изводах и книжных центрах постепенное отклонение от нормы само превращалось в норму. Отход и удаление от церковнославянского стандарта происходил не фронтально, а в отдельных жанрах, текстах, в отдельных функциональных сферах одного языка или разных языков. Такая же неравномерность в языковом отношении наблюдалась и в двух типах текстов – переводных и непереводных, оригинальных. В последних приверженность к церковнославянскому книжно-языковому канону была нередко ослаблена или даже сознательно потеснена. Такие явления наблюдались чаще всего в периоды действия в мире *Slavia Orthodoxa* центробежных сил, которые сменялись периодами центростремительными и были связаны с укреплением авторитета той или иной книжной школы⁵. Развитие

⁴ Исследование А. Фринты о богемизмах и славизмах в серболужицкой христианской терминологии позволяет предполагать, что христианство пришло к сербам-лужичанам из Чехии в X в. еще до немецкой колонизации южной окраины Лужицы. Пришла ли вместе с христианством и славянская кирилло-мефодиевская письменность – сказать трудно (см. [Frinta 1954]).

⁵ См. мою работу "К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян" [Толстой 1988].

языков мира Slavia Orthodoxa длительное время регулировалось и определялось историческим путем древнеславянского (церковнославянского) языка, имевшего свои локальные разновидности, но остававшегося единым вплоть до XVIII в. В дальнейшем он был оттеснен исключительно в церковную сферу.

Процесс развития отдельных литературных языков в мире Slavia Latina имел иной характер. Во-первых, самостоятельное развитие этих языков, исключая период бытования кирилло-мефодиевской традиции, началось относительно поздно: для чехов – в XIV в., для поляков – в XV в., для словенцев – в XVI в., для сербов-лужичан – в XVI–XVII вв., для словаков – в конце XVIII в., в то время как литературные языки мира Slavia Orthodoxa прошли за первые четыре века (XI–XIV вв.) весьма значительный для их становления и утверждения исторический путь, имея при этом свое как бы единовременное и общее начало.

Во-вторых, возникая и функционируя в условиях гетерогенного двуязычия, т.е. имея в качестве языка-посредника чужую латинскую письменную и устную речь, языки мира Slavia Latina имели иную, чем в мире Slavia Orthodoxa, систему литературно-языковых взаимоотношений⁶. Для этих языков не существовало единого центра (не столько географического, сколько нормативно-авторитетного), гомогенного им языкоосновы вроде церковнославянского, выполнявшего и роль языка-посредника, поэтому в ареале их распространения не наблюдалось процессов центристского и центробежного характера⁷. Взаимное влияние, например, влияние чешского языка на польский, осуществлялось попарно, не через посредствующий центр, а напрямую⁸. А в период возникновения национальных литературных языков наблюдался обратный процесс отталкивания (например, словацкого от чешского).

В-третьих, в мире Slavia Orthodoxa и в мире Slavia Latina по-разному развивалась и строилась стилистическая система литературного языка. Первоначально в мире Slavia Orthodoxa было установлено достаточно четкое распределение жанров и текстов между двумя языками – общим и частным, например, между церковнославянским и древнерусским или древнеславянским и древнесербским. Существовали и жанры пограничного характера, в которые в равной мере допускался и тот, и другой язык, и именно в такой пограничной сфере чаще всего наблюдалось смешение двух языков, что не считалось предосудительным и нежелательным. В мире Slavia Latina такого взаимопроникновения и "среднего" решения не было и не могло быть, поскольку компоненты были слишком далеки друг от друга. Жанры и тексты между двумя сферами – латинской и соответствующей славянской – разделялись или распределялись достаточно четко, и языковая интерференция имела свои жесткие пределы.

К концу своего бытования в сфере Slavia Orthodoxa гомогенное двуязычие (или диглоссия), например, церковнославянско-русское, постепенно трансформировалось в систему стилей, которую М.В. Ломоносов воспринимал как некое единство, расчленяющееся на три "штиля" – высокий, средний, или "посредственный", и низкий, или "простой" [Вомперский 1970]. Эти "штиля" перешли затем в стилистическую систему,

⁶ Нами не ставится задача ответить на вопрос, был ли древнеславянский (церковнославянский) язык "славянской латынью", т.е. насколько функции и культурная роль латинского и церковнославянского языка были идентичны. Этот вопрос затрагивается в работах И. Гыльбова [Гъльбов 1986] и Г. Кайперта [Keiper (б/г)].

⁷ По мнению Риккардо Пиккио: «Объединяющая и наднациональная функция латинского языка оставалась господствующей в течение нескольких веков. Но выраженная на этом "сверх-языке" литературная цивилизация не была столь компактно латинской, сколь монолитно славянской была литературная цивилизация, формируемая церковнославянским языком» [Пиккио 1993: 97].

⁸ Н.С. Трубецкой делил современные славянские литературные языки на две группы "по признаку примыкания к определенной традиции". К группе церковнославянской традиции он относил языки русский и болгарский, к группе польско-чешской традиции – польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и украинский. Связь между литературными языками первой группы он называл связью *по месту*, а связь языков второй группы – *по языку*. Сербскохорватский и словенский литературные языки он причислял к "совершенно выпавшим из всякой связи с литературно-языковыми традициями" [Трубецкой 1927: 28].

характерную для современного русского языка. В мире *Slavia Latina* гетерогенное двуязычие или диглоссия завершились полным вытеснением из всех сфер функционирования языка-посредника – латыни, не оказавшей на последнем этапе своего присутствия существенного влияния на стилистическую структуру тех языков, с которыми она сосуществовала. В тот же период становления национально-литературных языков, в первой половине XIX в., сербы, в отличие от русских, пошли на решительный разрыв с церковнославянской традицией и уравнивали свой литературный язык и его стилистические возможности с хорватским штокавским вариантом литературного языка. Болгары свой отход от той же традиции совершили в более осторожной форме, опираясь в известной мере на русский литературный язык. По пути отталкивания от церковнославянского наследия и литературного русского (великорусского) языка пошли белорусы и украинцы (малороссы), а от болгарского и сербского – македонцы, создавшие свой литературный язык позже всех других славян. Так в XIX–XX вв. структурно-типологическое противостояние двух миров – *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – разрушилось, или, проще говоря, перестало существовать. Пользуясь словами Н.С. Трубецкого, заключим, что "будучи модернизированной и обрусевшей формой церковнославянского языка, русский литературный язык является единственным прямым преемником общеславянской литературной традиции, ведущей свое начало от Первоучителей славянских, т.е. от конца эпохи праславянского единства" [Трубецкой 1927: 94].

Предложенный выше краткий анализ ситуации в области письменных и литературных языков славян в их двух культурных мирах может быть дополнен еще более кратким и конспективным обзором ситуации в сфере книжности и литературы. Литературная ситуация в мире *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* была во многом изоморфна литературно-языковой ситуации в этих ареалах, что объясняется не только тем, что литературный, книжный язык есть орудие литературы и книжности и одно без другого существовать не может, но также и тем, что литературный язык и литература как таковая являются компонентами культуры. В таком случае можно сказать, что наблюдается изоморфность отдельных культурных слоев.

В мире *Slavia Orthodoxa* существовала единая древнеславянская (церковнославянская) литература, которая имела определенный состав текстов (памятников), определенную жанровую структуру, свои жанры и каноны и свое развитие, т.е. историю. Эту единую церковнославянскую литературу едва ли можно считать только л и т е р а т у р о й - п о с р е д н и ц е й (термин Д.С. Лихачева), ибо она возникла сама по себе, как и древнеславянский (церковнославянский) язык, до появления в славянской среде отдельных древнеславянских "национальных", т.е. этнически окрашенных и очерченных литератур. Поэтому ее следовало бы считать и называть либо ранней о б щ е с л а в я н с к о й л и т е р а т у р о й, т.к. при своем возникновении она была распространена и в среде западных славян и западной части южных славян, либо л и т е р а т у р о й - о с н о в о й для всех литератур мира *Slavia Orthodoxa*. От нее также о т п о ч к о в ы в а л и с ь отдельные литературы – древнерусская, древнесербская, древнеболгарская, она также начинала свою историю с локальных "изводов" (вариантов текстов), а затем имела параллельное развитие с отпочковававшимися славянскими древними литературами. Именно это параллельное развитие позволяло ей выполнять и посредническую функцию, которая, однако, не была основной.

При своем возникновении общая древнеславянская (церковнославянская) литература свою идеологическую сущность и систему ключевых жанров калькировала с системы византийской литературы. Многочисленные переводные с греческого тексты создавали ее основу, и сама она была в раннем периоде развития чем-то вроде суженной проекции византийской книжности конца I и начала II тысячелетия н.э. Переводы текстов перемещали их в другую этническую и культурную среду, делали их из греческих славянскими, ставили в один ряд с другими славянскими, уже не переводными, оригинальными текстами, вводили в литературу в общем иную, чем

византийская. Унитарные литературы, как и унитарные языки, мира *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* были, таким образом, разного характера. Православные славяне имели свою территориальную и этнически ограниченную, но общую для них и для валахов и молдаван литературу, независимую от греческой и латинской, а общая для славяно-католиков латинская литература распространялась и на весь германский и западно-романский мир. Со временем, в преддверии и во время Ренессанса, появились и творили славянские писатели-латинисты, обогащавшие общеевропейскую латинскую литературу и создававшие почву для выхода национальных славянских литератур мира *Slavia Latina* из общеевропейского русла. Отметим еще раз, что в мире *Slavia Orthodoxa* национальные литературы отпочковывались, в то время как в мире *Slavia Latina* они возникали чаще всего по отдельности из ряда жанрово ограниченных текстов-произведений, дополнявших в конкретных локальных условиях разветвленную систему жанров латинской общеевропейской литературы.

Общая церковнославянская литература с возникновением отдельных древних славянских литератур – древнерусской, древнесербской и др., находилась с каждой из них в отдельности в отношении дополнительного распределения, составляя с каждой из них одну систему жанров, одну систему текстов. Такая система объединяла "открытую" и "закрытую" традиции текстов, при том что между двумя традициями существовала переходная группа текстов – зона смешения традиций, что в полной мере изоморфно языковой ситуации и практике, сохранявшей и противопоставленность церковнославянского языка древнерусскому или древнесербскому и другим, и условия смешения двух языков, что наблюдается, например, в русских летописях или сербских агиографических текстах. "Закрытая" традиция в мире *Slavia Orthodoxa* отдавала предпочтение древнеславянскому (церковнославянскому) языку, "открытая" – его корреляту, древнему "национальному" языку. Такое положение в мире *Slavia Orthodoxa* наблюдалось до XV–XVI вв., хотя и в более позднее время частично сохранялось такое соотношение.

Историки отдельных древних литератур православного славянства искали в доступном им материале истоки конкретных национальных литератур, их корни, их специфические национальные особенности, сюжеты и мотивы. Их интерес длительное время был направлен почти исключительно на "национально окрашенные" тексты, на творчество "своих" книжников и школ. Исследовалось только "свое", а "чужое" обычно описывалось как некий фон "своего", как дополнительный план. Между тем современные представления "своего" и "чужого", на которые опирается большинство исследователей, во многом не соответствуют древним представлениям о своем и чужом, к тому же описание исключительно "своей" сферы книжности и литературного творчества грешит односторонностью. Поэтому, признавая допустимость и правомерность "национального" подхода к истории древнего периода отдельных славянских литератур, следует также признать необходимость полного, в известной мере "наднационального" обозрения истории древнего периода отдельных славянских литератур, истории книжности и литературы как оригинальной, так и переводной – всего того, что читал древнерусский или древнесербский читатель, не полагавший, что переведенное с греческого житие св. Николая Мирликийского – "чужое" произведение, а житие св. Феодосия Печерского – "свое". Так же невозможно выводить за пределы древней литературы или книжности сакральную богослужебную сферу, богослужебные тексты, которые, как показал в своей новейшей работе Александр Наумов (см. [Наумов 1995]), являются осью, стержнем, вокруг которого организуются другие, не богослужебные тексты вплоть до светских жанров различного вида. Литургические богослужебные тексты можно назвать также вершиной пирамиды жанров и текстов, упорядоченных иерархически и взаимосвязанных по ряду признаков и показателей.

История древнеславянской (церковнославянской) литературы необходима также для понимания сущности литературного процесса в целом, происходившего у православных славян. Для столь же цельного и широкомасштабного понимания литературного процесса у славян мира *Slavia Latina* необходимо обратиться к истории средневековой и

ренессансной латинской литературы в Европе и определить долю и характер вклада в эту литературу славянских авторов-латинистов. Сколь перспективен такой путь разысканий, показывают хотя бы работы И.Н. Голенищева-Кутузова, исследовавшего творчество итальянских латинистов XI–XII веков и славянских латинистов эпохи Возрождения [Голенищев-Кутузов 1972; 1963].

Структура этнического и национального самосознания у славян, все еще недостаточно исследованная, обнаруживает свою изоморфность по отношению к структуре славянской книжности (литературы) и славянских книжных (литературных) языков. Однако этот вопрос заслуживает своего отдельного и подробного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будилович А.С. 1892 – Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. I–II. Варшава, 1892.
- Вомперский В.П. 1970 – Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
- Голенищев-Кутузов И.Н. 1963 – Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVII вв. М., 1963.
- Голенищев-Кутузов И.Н. 1972 – Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
- Гълъбов И. 1986 – Старобългарският и латинският език през Европейското средновековие (Към проблематиката на наднационалните културни езици) // И. Гълъбов. Избрани трудове по езикознание. София, 1986.
- История слав. лит. яз.... 1979 – Славянское и балканское языкознание: История славянских литературных языков и письменность. М., 1979.
- Наумов А. 1995 – Средневековая литература и богослужение // *Ricerche slavistiche*. V. XLII. 1995. Roma.
- Нац. возрождение... 1978 – Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
- Пикио Р. 1993 – Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993.
- Толстой Н.И. 1988 – К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой Н.И. 1993 – Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора "Повести временных лет" // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993.
- Трубецкой Н.С. 1927 – К проблеме русского самопознания. Собрание статей. Париж, 1927.
- Якобсон Р. 1987 – Работы по поэтике. М., 1987.
- Aspects... 1984 – Aspects of the Slavic language Question. V. I: Church Slavonic – South Slavic – West Slavic; V. II: East Slavic / Ed. by R. Picchio and H. Goldblatt. New Haven. 1984.
- Bogoslovni vestnik 1985 – Bogoslovni vestnik. Let. 45, štev. 2. Ljubljana, 1985.
- Cyryl i Metody 1991 – Cyryl i Metody apostołowie i nauczyciele Słowian. Cz. 1. Studia; Cz. 2: Dokumenty. Lublin, 1991.
- Frinta A. 1954 – Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam. Praha, 1954.
- Hercigonja E. 1983 – Nad iskonom hrvatske knjige. Rasprave o hrvatskoglagoljskom srednjovjekovlju. Zagreb. 1983.
- Jakobson R. 1985 – Selected Writings. V. VI. Berlin – New York – Amsterdam, 1985.
- Keipert H. (б/г) – Kirchenslavisch und Latein. Über die Vergleichbarkeit zweier mittelalterlicher Kultursprachen // Sprache und Literatur Altrußlands. Münster, б/г.
- Picchio R. 1991 – Letteratura della Slavia ortodossa (IX–XVIII sec.). Bari, 1991.
- Studi... 1972 – Studi sulla questione della lingua presso gli Slavi. A cura di Riccardo Picchio. Roma. 1972.